

Н.П. ТАТЬШИНА

ПОСЛЕДНЯЯ РОЛЬ КНЯЗЯ Ш.-М. ТАЛЕЙРАНА: ПОСОЛЬСТВО В ЛОНДОНЕ (1830–1834 годы)

О князе Шарле-Морисе Талейране-Перигоре, одном из наиболее ярких европейских дипломатов, написано огромное количество работ¹. Казалось бы, долгая жизнь и многолетняя служба этого государственного деятеля, кавалера всех французских и почти всех европейских орденов, изучена всесторонне. Однако жизнь и деятельность этого человека были настолько неординарными и противоречивыми, что талейрановская библиография постоянно расширяется и каждая новая работа обречена на читательский интерес. “Я хочу, чтобы на протяжении веков продолжали спорить о том, кем я был, о чем думал и чего хотел”², – таково было завещание князя. Как видим, его желание исполнилось. За долгую политическую карьеру – а он и в 80 лет все еще был на службе – Талейран сыграл немало главных ролей. Говоря точно, четырнадцать. Именно столько присяг, по его собственным словам, он принес правительствам, сменявшим друг друга во Франции на протяжении нескольких десятков лет ее бурной и драматичной истории. Причем, какому бы режиму он ни служил – монархии, Республике, Директории, Консульству, Империи, снова реставрированной в 1814 г. монархии Бурбонов, а потом и Июльской монархии, – со всеми новыми ролями он справлялся блестяще. В возрасте 76 лет ему было уготовано исполнить свою финальную “партию” на посту посла Франции в Великобритании, которая удалась ему так же, как предыдущие. Но, кажется, это был единственный случай, когда “хитрый лис” Талейран не предал своего очередного патрона – короля Луи Филиппа.

Именно дипломатической деятельности князя Талейрана в Лондоне в 1830–1834 гг. и посвящен предлагаемый вниманию читателей очерк, основанный прежде всего на мемуарах князя, а также на его переписке. Мемуары Талейрана – всесторонне изученный источник³ – до сих пор вызывают острые споры и дискуссии как относительно

Татьянина Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор Московского государственного педагогического университета.

¹ Упомянем лишь некоторые крупные исследования отечественных историков: классический труд академика Е.В. Тарле. – *Тарле Е.В.* Талейран. М., 1939 (исправл. изд. М., 1948; переизд. М., 1957, М., 1962, М., 1992, М., 1997) и блестящую работу Ю.В. Борисова. – *Борисов Ю.В.* Шарль Морис Талейран. М., 1986; а также наиболее важные работы зарубежных историков: *Лодей Д.* Талейран: главный министр Наполеона. Пер. с англ. И.В. Лобанова. М., 2009; *Lacour-Gayet G.* Talleyrand (préface de François Mauriac), v. 1 – 4. Payot, 1930; *Léon P.* Mémoire du prince de Talleyrand et ce qu'il n'a pas dit, v. 1–7. Paris, 1953–1955; *Orieux J.* Talleyrand ou Le Sphinx Incompris. Paris, 1979; *Madelin L.* Talleyrand. Paris, 1979 (1re éd. Paris, 1944); *Castellot A.* Talleyrand ou le cynisme. Paris, 1997; *Beau A.* Talleyrand: L'Apogée du sphinx. Paris, 1998; *Cooper D.* Talleyrand. Un seul maître. Paris., 2002; *Decker M.* Talleyrand: Les Beautés du Diable. Paris, 2003; *Waresquiel E.* Talleyrand. Le Prince immobile. Paris, 2003; *Bourdonov G.* Talleyrand: Prince des diplomates. Paris, 2007.

² *Memoires et correspondences du prince de Talleyrand.* Par E. de Waresquiel. Paris, 2007, p. VII.

³ Первая официальная публикация мемуаров была предпринята герцогом де Бройлем в 1891–1892 гг. Согласно завещанию Талейрана, они должны были увидеть свет не раньше чем через 30 лет после его смерти, однако уже при его жизни различными авантюристами было опубликовано огромное количество работ, именуемых “Мемуары Талейрана”. Об этом подробно см. *Memoires et correspondences du prince de Talleyrand*, p. IV – XXXIX.

изложенных в них фактов, так и, с точки зрения созданного князем собственного образа, представляющего со страниц его воспоминаний. За написание мемуаров он принялся еще в 1809 г., первоначально задумывая свой труд не как воспоминания, а как работу по истории французской революции. Начав с этюда о герцоге Шуазеле, министре короля Людовика XVI, а потом написав эссе о герцоге Орлеанском – Филиппе-Эгалите, отце будущего короля Луи Филиппа, автор постепенно сделал главным действующим лицом себя самого. Все события разворачивались вокруг его персоны. Годы опалы при императоре Наполеоне стали наиболее плодотворными для сочинителя. В начале режима Реставрации вернувшийся на службу Талейран практически не занимался мемуарами, обратившись к их редактированию после завершения, как он полагал, своей политической карьеры в 1816 г. Впоследствии он часто читал отрывки из мемуаров в своем салоне, и эти фрагменты публиковались при его жизни⁴.

Вся жизнь этого человека осталась в коллективной памяти как нескончаемая череда измен и предательств, и в этом смысле его имя стало нарицательным. Вот уже на протяжении более чем 200 лет его относят к “чудовищам” истории, отмечая, что, за исключением совсем уж одиозных “монстров”, трудно найти личность с более запятнанной репутацией, чем у Талейрана. Однако его осуждают за то, что в общем характерно для человеческой натуры. Следует также учесть, что вокруг Талейрана было слишком много искушений и соблазнов, устоять перед которыми не под силу простому смертному. Он жил в самую бурную и чреватую опасностями эпоху в истории Европы, формируя и направляя ее будущее и в то же время перенося все ее тяготы. Ухитрившись пережить и падение французской монархии, и безжалостные годы якобинского террора, Талейран вовремя примкнул к набиравшему силу Наполеону, а затем ловко переметнулся к противникам императора.

«Знаете ли вы, дорогой мой, – сказал он за два года до смерти, обращаясь к еще одному искушенному и изворотливому политику, “подвижному, как ртуть”, по словам Гейне, Адольфу Тьеру, – что я всегда был человеком, наиболее в моральном отношении дискредитированным, какой только существовал в Европе за последние сорок лет, и что, однако, я всегда был либо всемогущим у власти, либо накануне возвращения к власти»⁵. А в предсмертном политическом завещании Талейран написал, что ничуть не упрекает себя за то, что “служил всем режимам, от Директории до времени, когда я пишу”, потому что “я остановился на идее служить Франции ... в каком бы положении она ни была”⁶.

Его противники и позднейшие критики заявляли, что подобными фразами нельзя успокоить совесть, но эти слова, несомненно, выражали философию Талейрана: он никогда не считал себя предателем, а просто ковал карьеру и обрамлял свои поступки красивыми пассажами о служении Франции.

Несмотря на вполне обоснованное мнение, что Талейран продает всех, кто его покупает⁷, все правители, находившиеся у власти во Франции в то судьбоносное время, так или иначе нуждались в его услугах. Он стоял у истоков революции, крушения Старого порядка, он же стремился вернуть развитие Франции в мирное русло после революции, восстановить ее позиции в Европе. Эту задачу Талейран блестяще выполнил в ходе работы Венского конгресса, искусно играя на противоречиях между державами-победительницами и сумев, будучи представителем поверженной страны, навязать победителям свои условия.

⁴ См. *Dino D. Duchesse de Talleyrand et de Sagan. Cronique de 1831 à 1862*, т. 1–4. Paris, 1909–1910; т. 1, р. 136–139. Подробная информация содержится также во вводной статье к “Мемуарам и переписке князя Талейрана” Э. Варекеля. – *Memoires et correspondences du prince de Talleyrand*.

⁵ Цит. по: *Тарле Е.В. Талейран. – Талейран. Мемуары*. Екатеринбург, 1997, с. 74. Далее ссылки на Е.В. Тарле даны по этому изданию.

⁶ Там же.

⁷ Авторство этого выражения, как считается, принадлежит императору Наполеону Бонапарту.

Венский конгресс, однако, не ознаменовал начала нового взлета карьеры Талейрана. И хотя 9 июля 1815 г. он вновь получил портфель министра иностранных дел и пост главы кабинета, пробыл он на этой должности недолго, всего два с половиной месяца. Выступая против “белого террора”, он пытался получить от короля Людовика XVIII свободу действий для борьбы против безумных эксцессов ультрароялистов и неосторожно заявил, что в противном случае подаст в отставку. Отставка была принята. Так 24 сентября 1815 г. оборвалась карьера князя Талейрана. Для отставленного так внезапно министра это было полнейшей неожиданностью, хотя в мемуарах он изображает свою отставку как патриотический подвиг, связав ее с отношением Франции к своим победителям. Как писал князь, он принял отставку без сожалений, твердо решив никогда больше не возвращаться к политическим делам. Символом окончания политической карьеры должно было стать завершение написания мемуаров, что Талейран и сделал в августе 1816 г.⁸

Отставка Талейрана, даже если расценивать ее как поражение, оказалась весьма своевременной: не его подпись стояла под унизительным для Франции мирным договором. Эта миссия досталась новому главе кабинета, ставленнику императора Александра I герцогу А.Э. Ришелье⁹. К тому же должность главы кабинета уже успела принести Талейрану некоторый капитал. Всезнающий Поль Баррас, один из лидеров Директории, проявлявший большой интерес к содержанию чужих карманов, но не забывавший и о собственных, утверждал, что на посту главы временного правительства Талейран “заработал” 28 млн франков. Кроме того, отставной министр получил немалое выходное пособие: он был назначен великим камергером с жалованьем в 100 тыс. франков золотом в год и с “обязанностью” заниматься чем угодно и жить, где ему заблагорассудится. Впрочем, Талейран и при Наполеоне имел это же звание (наряду с другими званиями и титулами) и столь же мало обременительные обязанности, правда, еще более щедро оплачиваемые¹⁰. Талейрану были возвращены его имения, конфискованные Наполеоном во время Ста дней. В 1815 г. княжество Беневенто перешло к Папской области, и как бы в вознаграждение за эту потерю король Обеих Сицилий пожаловал Талейрану в 1817 г. титул герцога Дино. Во Франции герцог Беневентский в том же году получил наследственное пэрство.

Князь удалился в частную жизнь. Громадное богатство, великолепный дворец в 33 комнаты в центре Парижа, на улице Сен-Флорантен, где в 1814 г. он принимал императора Александра I, царственная роскошь жизни – вот что ждало его, как казалось, на закате дней. 3 июля 1820 г. Талейран покинул Париж и отправился в свое поместье Валансе, подаренное ему Наполеоном еще в 1803 г. и сделавшее Талейрана крупнейшим земельным собственником Франции. Приобретение Валансе, одного из двух или трех самых больших феодальных владений в стране, расположенного в двух днях езды на лошадах от Парижа, ниже по течению Луары, было профинансировано Наполеоном с условием, что Талейран будет там принимать и развлекать дипломатический корпус, а также именитых иностранных гостей. Талейран с блеском выполнил желание Бонапарта: своей роскошью Валансе превзошел дворцы многих европейских государей. Зная изысканное хлебосольство своего министра, Наполеон приглашал к его столу всех, включая монархов, на кого хотел произвести впечатление. В свою очередь Талейран, преисполненный гордости за свой дворец, разрешил осматривать его прославленные на весь свет палаты путешественникам, но в свои жилые комнаты не допускал никого.

Коротать время в Валансе князь отправился в сопровождении красавицы Доротеи де Дино, герцогини Курляндской. Особы прекрасного пола, многочисленные подру-

⁸ *Memoires et correspondences du prince de Talleyrand*, p. 764.

⁹ Ришелье с 1803 г. занимал пост губернатора Одессы, с 1805 – генерал-губернатора Новороссии и пользовался репутацией умелого администратора. “Хороший выбор, конечно: француз, знающий Крым лучше Франции”, – иронизировал Талейран. И, добавим уже от себя, не берущий взяток.

¹⁰ *Талейран. Мемуары*, с. 64.

ги и поклонницы, всегда играли важную роль и в личной, и в общественной жизни Талейрана. Однако Доротея, наделенная не только удивительной красотой и пылким темпераментом, но и острым умом, а также завидной проницательностью, занимала в его биографии исключительное место. Внучка Эрнста Иоганна Бирона, всевластного фаворита российской императрицы Анны Иоанновны, Доротея была одной из выдающихся женщин своей эпохи, настоящей светской львицей.

Когда-то Талейран хлопотал перед императором Александром I о женитьбе своего племянника Эдмона де Перигора на 16-летней дочери герцогини Курляндской Доротее. Выйдя замуж, она получила титул графини Эдмон де Перигор и стала племянницей Талейрана. Поначалу он относился к ней так, как и подобает дяде. Однако со временем между ними возникло чувство, которое сделало Доротею его ангелом-хранителем, почитательницей не только в домашних, но и в государственных делах.

Личная жизнь племянника не заладилась. Несмотря на рождение троих детей, отчужденность между супругами достигла такой степени, что казалась уже необратимой. Появление герцогини Курляндской на конгрессе в Вене вместе с князем символизировало этот разрыв, хотя ни Талейран, ни Доротея тогда еще не были разведены. Именно с Венского конгресса Доротея стала неизменной спутницей и помощницей, единомышленницей и политической союзницей князя, и ни одно другое женское имя больше уже никогда не упоминалось рядом с именем Талейрана. Хотя князь был старше Доротеи на 39 лет, ни возраст, ни разный жизненный опыт не помешали их союзу, который просуществовал почти четверть века.

Безделье в Валансе не тяготило князя: он никогда особенно и не любил работать. Труд рутинный, ежедневный, чиновничий был ему неведом и не нужен. Для этого существовал штат опытных подчиненных ему сановников и чиновников, секретарей и директоров. Теперь, в отставке, так же как и в годы своей опалы при Наполеоне, он внимательно наблюдал за политической шахматной доской и за ходами партнеров, до поры до времени не принимая участия в игре.

Конечно же, он хотел вернуться к власти, писал едкие эпиграммы и публично ругал министров, за что однажды на три месяца был отлучен от двора. Несмотря на его сан великого камергера, ему запретили появляться в Тюильри. Талейран всячески давал понять, что он незаменим. Но его не взяли.

Между тем 16 сентября 1824 г. умирает Людовик XVIII. Граф д'Артуа наследует его корону под именем короля Карла X. 29 мая 1825 г. в Реймсе проходит торжественная церемония коронации 67-летнего монарха, реакционная политика которого приведет Францию к очередному революционному взрыву.

Назначение ультраконсервативного кабинета князя Ж. де Полиньяка в 1829 г., пришедшее на период экономической депрессии с присущими ей безработицей и ростом цен, со всей очевидностью показывало, что Карл очертя голову тащит страну к пропасти. Это отчетливо понимал Талейран. В мемуарах он так и охарактеризовал ситуацию: «Когда в 1829 г. Карл X принял неразумное решение изменить министерство и призвать к власти самых непопулярных людей в стране, не имевших другой заслуги, кроме слепого подчинения королю... можно было не сомневаться, что мы движемся к пропасти»¹¹. Своей давней знакомой княгине Водемон Талейран писал: «Разве можно быть в чем-то уверенным с нынешним министерством? Все делается с легкомыслием, и результатом этого легкомыслия могут стать серьезные затруднения»¹².

Вскоре князь сошелся с вождями либеральной оппозиции А. Тьером и Ф. Минье, а главное – начал сближаться с герцогом Луи Филиппом Орлеанским, представителем младшей ветви династии Бурбонов, и его сестрой Аделаидой, с которой герцог с детства был неразлучен. Либералы прочили Луи Филиппа на престол в случае свержения Карла X. В кабинете у Талейрана собирались лидеры либералов, и в декабре 1829 г. у них возник план основать новый, резко оппозиционный орган – газету «Насьональ»

¹¹ Memoires et correspondences du prince de Talleyrand, p. 766.

¹² Ibid., p. 1351.

для решительной борьбы против министерства Полиньяка и, если понадобится, против династии Бурбонов.

На этих совещаниях председательствовал хозяин дома. Старик, он, как писал Е.В. Тарле, “все еще думал о будущем, о новой карьере, все еще копал яму врагам и расчищал дорогу друзьям; а его друзьями всегда были те, кого исторические силы несли в данный момент на высоту”¹³. А современница событий, хозяйка влиятельного литературно-политического Салона в Париже мадам де Буань проникательно заметила, что цель, которую преследовал Талейран, “используя такие опасные инструменты, – приход к власти”¹⁴.

Предвидение и на этот раз не обмануло Талейрана. 11 июня 1830 г. он писал княгине Водемон: “Приближается решающий момент: я не вижу ни компаса, ни лощмана, и ничто не может помешать кораблекрушению: сейчас это беспокоит всех, все классы общества”¹⁵.

Непосредственным поводом для вооруженного выступления парижан стала публикация 26 июля в правительственной газете “Монитёр” королевских ордонансов, по существу, отменявших конституционную Хартию 1814 г. и названных Талейраном “фатальными”¹⁶. В это время он находился в Париже, в своем великолепном особняке.

27 июля в столице вспыхнула революция. На следующий день, слушая грохот выстрелов и звуки набата, доносившиеся со всех колоколен, Талейран сказал своему личному секретарю Кольмашу: “Послушайте, бьют в набат. Мы побеждаем!” – “Мы? Кто же, князь, побеждает?” – “Тише, ни слова больше: я вам завтра это скажу”¹⁷.

29 июля Талейран послал записку сестре герцога Орлеанского Аделаиде, советуя ее брату, не теряя ни минуты, немедленно встать во главе революции. Авторитет князя Талейрана как политического пророка был настолько высок, что, вняв его совету, новый кандидат в короли сразу же отбыл в Париж из своего имения в Нейи. Он принял предложенное ему оппозиционными депутатами временное звание “главного наместника королевства”. То же герцогу Орлеанскому рекомендовал сделать и Талейран, по крайней мере, пока Карл X находится на территории Франции¹⁸.

2 августа Карл отрекся от престола в пользу своего внука, герцога Бордосского, а до его совершеннолетия назначил регентом Луи Филиппа. Герцог Орлеанский незамедлительно сообщил палатам об отречении короля, скрыв, однако, его условия. 7 августа 6. палата депутатов, предварительно объявив трон вакантным, предложила его Луи Филиппу и его потомкам по мужской линии в порядке первородства. Через два дня в Бурбонском дворце, где заседала нижняя палата, состоялась церемония гражданской коронации: герцог Орлеанский принял присягу на верность конституции, подписал Хартию, после чего ему были вручены королевские регалии. Отныне он именовался Луи Филиппом I, королем французов. Очередная революция во Франции победила. Династия Бурбонов снова – на этот раз навеки – была свергнута с французского престола.

Деятельный ум Талейрана оказался незаменим теперь уже для Луи Филиппа. Несмотря на прозвище “король баррикад” и службу в революционной армии, Луи Филипп не был радикалом. Хотя он любил вспоминать молодость, тем не менее, крайне редко говорил о революции. Став королем, он вовсе не собирался разжигать пожар войны в

¹³ Тарле Е.В. Указ. соч., с. 67.

¹⁴ Boigne É.-A. Mémoires de la comtesse de Boigne, t. 1–2. Paris, 2005; t. 2, p. 512.

¹⁵ Mémoires et correspondences du prince de Talleyrand, p. 1351.

¹⁶ Распускалась только что избранная палата, и вводился новый избирательный закон, по которому право голоса предоставлялось почти исключительно крупным землевладельцам; права палаты депутатов существенно урезались, а ее численность сокращалась с 428 до 258 членов; цензура получала самые широкие полномочия, сделавшие практически невозможным издание оппозиционных газет.

¹⁷ Тарле Е. В. Указ. соч., с. 67.

¹⁸ Boigne É.-A. Op. cit., t. 2, p. 513.

Европе и желал лишь одного – добиться признания легитимности своей власти другими монархами. Между тем его положение в Европе было очень непрочным. Венценосные “братья” с подозрением наблюдали за происходившим во Франции, опасаясь распространения революционного урагана за ее пределы. Как-то король заметил Виктору Гюго, который бывал частым гостем в Тюильри: “Франция и я – вот два объекта ненависти со стороны европейских королей. Меня они ненавидят даже больше, чем Францию... потому что я – Орлеан и потому что я – это я. Что же касается Франции, то они ее не любят, но примирятся с ней, если она окажется в других руках”¹⁹.

Превращение Франции в полноправную участницу “европейского концерта”, так называемой пентархии, пятёрки тогдашних европейских лидеров, стало главной внешнеполитической целью Луи Филиппа. Сделать это можно было, лишь уверив европейских государей в миролюбии Франции, отсутствии у нее экспансионистских настроений и стремления к экспорту революции, насильственному распространению либеральных идей за пределы отечества.

В таких условиях Луи Филиппу необычайно важно было заручиться дипломатической поддержкой извечного конкурента и соперника Франции – Великобритании. Теперь это представлялось возможным, учитывая общность либеральных принципов обеих стран. Да и в самой Великобритании, стоявшей на пороге парламентской реформы, прекрасно понимали, что стабильность в Европе может быть обеспечена только при наличии стабильной Франции, восстановившей свое полноправное членство в “европейском концерте”.

Курс Луи Филиппа на установление “сердечного согласия”, иначе говоря, Антанты, полностью соответствовал англофильским настроениям Талейрана. В годы революции именно в Лондоне начиналась его дипломатическая карьера. Четыре десятилетия спустя он сказал своему соотечественнику, известному поэту и политику Альфонсу Ламартину: “Видите, как я счастлив в моей старости. В 1792 г. я пытался здесь примирить Мирабо и Питта и создать между либеральной Англией и революционной Францией союз, который явился бы основой баланса в мире. И вот, фортуна приберегла для меня в качестве последнего дела приезд в Лондон с той же миссией и защиту в этом городе тех же принципов, которые я здесь защищал тогда”²⁰.

Итак, через 38 лет Талейран, никогда не имевший принципов, отстаивал те же идеи относительно англо-французского сближения. В годы революции выступавший против системы внешнеполитических союзов, он стоял на этой позиции и при Луи Филиппе. “Франция, – писал Талейран, – не должна думать о заключении так называемых союзов; она должна иметь хорошие отношения со всеми, и лучшие – только с некоторыми державами”. Французам, по его словам, следовало сближаться прежде всего с правительствами тех стран, которые обладают “наиболее передовой цивилизацией”. А в Европе “самыми сильными и самыми цивилизованными” являлись Франция и Англия, к тому же они имели “общие принципы”. Причем “сердечное согласие”, по мнению Талейрана, было взаимовыгодным. “Иногда мы имеем выгоды от сближения с Англией, в другой раз – она от сближения с нами. Следовательно, есть некая обоюдная выгода для самого тесного сближения. Все причины для соперничества были значительно сокращены сделанными нами колониальными уступками”, – отмечал дипломат и приходил к выводу, что “Англия – это единственная держава, с которой мы могли бы действовать совместно”²¹.

Не удивительно, что новый король решил прервать затянувшийся досуг князя в Валансе и просить его в очередной раз потрудиться на благо Франции. Однако старый дипломат, прежде чем согласился занять пост посла, заставил себя упрашивать, ссылаясь “на почтенный возраст и ту кипучую деятельность, которую подразумевала эта

¹⁹ Bertaut J. Louis-Philippe intime. Paris, [s.a.], p. 81.

²⁰ Цит. по: Борисов Ю.В. Указ. соч., с. 424–425.

²¹ Memoires et correspondences du prince de Talleyrand, p. 813.

миссия и связанные с нею бесконечные сложности”²². К тому же, как отмечала мадам де Буань, он предпочел бы занять дипломатический пост в Вене²³. Конец его колебаниям положила Доротея. Она очень хотела уехать в Лондон, где рассчитывала играть более активную роль в дипломатической игре. И все же определяющим мотивом стало, наверное, то, что Великобритания первой из великих держав в конце августа 1830 г. признала режим Луи Филиппа. В итоге князь, как он высокопарно выразился в своих мемуарах, наконец-то “уступил настойчивым просьбам короля и его министерства”, руководствуясь “чувством долга и мыслью послужить своей стране”. Не страдая излишней скромностью, он писал: “Я счел, что новое французское правительство могло обрести стабильность только при условии сохранения мира, и, несмотря на то, что в это время все, кроме меня, были уверены в неизбежности войны, я был убежден, что мое имя, услуги, оказанные мною в свое время Европе, а также мои старания смогут предотвратить самое ужасное зло: всеобщую революцию и войну”²⁴. Здесь Талейран не лукавил: он, действительно, не желал очередной европейской войны и всеобщего хаоса.

Через месяц с небольшим после Июльской революции Европа с изумлением узнала, что Талейран назначен французским послом в Лондон.

22 сентября князь Талейран и Доротея Дино покинули Париж, а через два дня сошли на английский берег. Там их встретил торжественный гром пушек, паливших из дуврской крепости. Картина представляла собой разительный контраст по сравнению с первым, революционным временем, приездом посла Талейрана в столицу Англии, когда на улицах Лондона его злым шепотом, а иногда и во всеуслышание ругали и даже показывали на него пальцем! Теперь толпы народа бежали за каретой по лондонским улицам с криками: “Да здравствует Талейран!”. Доротея так описывала мадам Аделаиде оказанный им прием: “Когда появилась карета посла Франции, раздались крики: “Луи Филипп навсегда!”, “Нет Карлу X!”... Многократно кричали: “Да здравствует Талейран!”, – когда же в сопровождении свиты с трехцветной кокардой появилась я, толпа начала скандировать: “Французская леди!”, – а крики “Виват!” сопровождали меня на всем пути”²⁵.

Сам Талейран, похоже, не проникся большой симпатией к англичанам. Поразившись росту населения столицы, он писал сестре Луи Филиппа: “Население Лондона сильно выросло; сейчас здесь насчитывается 150 тыс. душ – если можно, конечно, назвать “душами” эгоистов, обитающих в этом городе”²⁶. Умная и энергичная Аделаида стала для Талейрана важным дополнительным каналом влияния на короля. Мадам Аделаида и князь обменивались письмами регулярно, зачастую каждый день, а порой и по несколько раз на дню. Перед тем как отправить письмо в Лондон, Аделаида зачитывала его королю, который что-то добавлял или просил на что-то обратить особое внимание посла²⁷. О содержании писем князя Аделаида также сообщала своему венценосному брату. Письма с наиболее ценными и секретными сведениями после прочтения сжигались²⁸.

Английская политическая элита с энтузиазмом восприняла назначение Талейрана на посольский пост. Консерваторы-тори и все высшее общество видели в нем представителя подлинной родовой аристократии; вспоминали, что никто активнее и красноречивее, чем он, не защищал на Венском конгрессе принцип легитимизма. Вспоминали и

²² Ibid., p. 768.

²³ *Boigne É.-A.* Op. cit., t. 2, p. 513.

²⁴ *Memoires et correspondences du prince de Talleyrand*, p. 768.

²⁵ Ibid., p. 1358.

²⁶ Ibid., p. 1352.

²⁷ *Le Prince de Talleyrand et la maison d'Orléans, lettres du roi Louis-Philippe, de Madame Adélaïde, et du prince de Talleyrand. Publiées avec une préface par la comtesse de Mirabeau.* Paris, 1890, p. 144.

²⁸ Ibid., p. 43.

о том, что он всегда, еще с 1792 г., был сторонником дружбы с Англией. Что касается либералов-вигов, представителей английской либеральной буржуазии, которой суждено было спустя всего полтора года, в 1832 г., добиться осуществления парламентской реформы, то они, конечно же, восторженно приветствовали Талейрана, официального посла победившей во Франции либеральной буржуазии во главе с “королем-буржуа” Луи Филиппом.

Однако Талейран постоянно подчеркивал сложности возложенной на него миссии, отмечая их двойную природу. “Одни сложности, – писал он в мемуарах, – исходили из Франции, где еще плохо укрепившееся правительство ежедневно боролось за свое существование, что не способствовало доверию со стороны иностранных правительств”. Другие сложности, по словам Талейрана, были связаны с нахождением у власти в Англии торийского правительства во главе с “железным герцогом” Артуром Веллингтоном: несмотря на признание Июльской революции, оно было крайне озабочено спровоцированной ею революционной волной в Европе, особенно событиями в Бельгии²⁹.

Вместе с тем победитель Ватерлоо, знакомый с Талейраном еще с 1814 г., был без ума от князя, который, как никто другой, умел влезть в душу необходимому человеку. Очарованный им Веллингтон даже возмущался: почему вот уже больше 50 лет кряду все так злобно клеветают на Талейрана, в то время как он честнейший и благороднейший человек?! У тех, кто хорошо знал Талейрана, это утверждение вызывало лишь иронию. Княгиня Дарья Христофоровна Ливен, супруга российского посла в Лондоне Х.А. Ливена, 24 сентября (6 октября) написала известному английскому политику лорду Грею, с которым находилась в доверительных отношениях: “Герцог Веллингтон положительно очарован Талейраном... Он утверждает, что это очень честный человек и что все то, что говорили когда-либо против него, – чистейшая клевета. Честность Талейрана напоминает мне ум Полюиньяка”³⁰. А в письме от 2(14) октября княгиня выразилась с еще большим сарказмом: “Король (английский Вильгельм IV. – *Н.Т.*) спросил меня, что я думаю о нем (о Талейране. – *Н.Т.*). Я отвечала ему, что я полагаю, что человек, занимавшийся семьдесят пять лет интригами, не может отказаться от них на семьдесят шестом году жизни”³¹. Впрочем, между Ливен и Талейраном, знакомыми еще со времен пребывания Дарьи Христофоровны с мужем-послом в Берлине, вскоре установились дружеские отношения, которые поддерживались и во Франции во второй половине 1830-х годов, уже после отставки Талейрана.

Характерно, что император Николай I, на первых порах отказывавшийся признать легитимность нового французского короля, которого он всю жизнь считал узурпатором трона и никогда не обращался к нему с традиционным монаршим приветствием “государь, брат мой”, в итоге согласился с идеей признания режима Июльской монархии. Произошло это вскоре после того, как император узнал о назначении Талейрана послом в Лондон. Конечно, далеко не только это известие повлияло на решение Николая Павловича. Однако и император, и вся Европа увидели в этом назначении, а главное – в согласии Талейрана принять его – признак прочности нового французского престола. Талейран, со своей стороны, стремясь поддерживать деловые отношения с представителями Австрии, Пруссии и России в Лондоне, одобрил поездку в Петербург герцога Мортемара, задача которого состояла в том, чтобы нормализовать франко-русские отношения³².

6 октября 1830 г. Талейран вручил верительные грамоты королю Вильгельму IV. Князь сразу же показал себя убежденным сторонником франко-английского сближения, подчеркнув в своей речи, что “зависть и предрассудки, так долго разделявшие Францию

²⁹ *Memoires et correspondences du prince de Talleyrand*, p. 770.

³⁰ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. – Русская старина, 1903, № 114 – 116, с. 692.

³¹ Там же, с. 692–693.

³² *Борисов Ю.В.* Указ. соч., с. 427.

и Англию, уступили место чувству уважения и просвещенной привязанности”³³. Ради укрепления “сердечного согласия” Талейран даже настаивал на эвакуации французской армии из Алжира, поскольку присутствие там французских войск сильно беспокоило английское правительство³⁴. Посол понимал, что Июльской монархии, рожденной в ходе революции, необходимо заручиться поддержкой Великобритании. Он писал княгине Водемон: “Именно от Англии зависит, сохранится ли в Европе мир или разразится война, поскольку ее отношение к нам определяет отношение к нам всей Европы, и мы совершим большую ошибку, если будем искать поддержку где-то еще”³⁵. Что касается самого короля Вильгельма IV, прозванного англичанами “моряком” за многолетнюю морскую службу, то о нем Талейран отзывался без всякого пietetа. По его словам, король сохранил тон и манеры “морского волка”. “Этo был смелый человек, – отмечал Талейран, – но ума весьма посредственного. На него всегда рассчитывала партия вигов, однако с момента своего восшествия на престол (26 июня 1830 г.) он сохранил министерство тори своего брата Георга IV. Он меня очень хорошо принял и произнес на плохом французском несколько дружественных фраз в адрес короля Луи Филиппа”. По воспоминаниям дипломата, все время его пребывания в Лондоне Вильгельм был предельно любезен по отношению к нему и его племяннице³⁶.

Посольская резиденция в Вестминстере стала местом самых пышных приемов и блестящих балов. Никто из тогдашнего дипломатического корпуса не пользовался столь огромной популярностью в самых разнообразных слоях английского общества, как князь Талейран. Следуя своей традиции застольной дипломатии, он устраивал пышные и обильные званые ужины и приемы. Затраты на удовлетворение потребностей в еде и вине высшего общества Лондона оказались разорительными: на приемы уходило гораздо больше денег, чем в Париже. “Наши обеды имеют здесь успех; они представляют собой эпоху в лондонской гастрономии, но это разорительно, и Талейрана пугают расходы”, – писала Доротея Дино³⁷. Через Аделаиду она добилась увеличения финансовой поддержки из Парижа. Поскольку в Лондоне Талейрана действительно воспринимали как лидера Франции, в руках которого находилась судьба страны, ему приходилось и вести себя соответственно.

Блистательная Доротея была подлинным украшением резиденции в Вестминстере. В Лондоне она чувствовала себя гораздо свободнее, чем в Париже, который ненавидела, поскольку там ей всегда давали понять, что она иностранка. В Лондоне Дино выполняла не только светские, но и весьма сложные политические обязанности доверенного лица при французской королевской семье, фактической жены посла и его личного секретаря, тайного агента, ответственного за конфиденциальные задания. Она регулярно переписывалась с Аделаидой и информировала о событиях Адольфа Тьера, ставшего министром. Эта переписка имела особое значение: она содержала такие сведения, которые французский посол в Лондоне не мог передавать по официальным каналам.

За несколько месяцев Талейрану удалось установить тесный контакт между правительствами Франции и Великобритании. Посол в Лондоне играл значительно более важную роль, чем обычный дипломатический представитель: во многом именно князь руководил французской внешней политикой, а не его парижские начальники, с которыми он не всегда даже считал нужным переписываться о делах. Талейран поддерживал

³³ *Memoires et correspondences du prince de Talleyrand*, p. 775.

³⁴ Позиция Талейрана встретила противодействие в лице министра иностранных дел графа Л.-М. Моле, угрожавшего подать в отставку. В результате Талейран был вынужден отказаться от идеи оставления Алжира, а Моле к концу сентября 1830 г. смог убедить своих коллег и короля в необходимости сохранения, по крайней мере, временной оккупации Алжира. И все же, стремясь успокоить Великобританию, французское правительство поспешило отозвать из Алжира половину экспедиционного корпуса.

³⁵ *Memoires et correspondences du prince de Talleyrand*, p. 1357.

³⁶ *Ibid.*, p. 775.

³⁷ Цит. по: *Борисов Ю. В.* Указ. соч., с. 449.

связь непосредственно с королем или Аделаидой³⁸. Как отмечала мадам де Буань, “незначительные депеши доставлялись в министерство; но настоящие дела обсуждались в переписке, посредниками в которой выступали мадам Аделаида и княгиня Водемон”³⁹.

Переписка с Аделаидой существенно отличалась от переписки Талейрана с министрами иностранных дел. Недаром в одном из посланий Талейрану Аделаида заметила: “Все это останется исключительно между королем, Вами и мной”⁴⁰. Такая манера вести дела вызывала напряженность в отношениях с графом Луи Матье де Моле, возглавлявшим министерство иностранных дел. Моле настаивал на том, чтобы Талейран работал строго под его руководством и по всем вопросам обращался непосредственно к нему, а не к Луи Филиппу. В письмах Талейрану министр постоянно сетовал на то, что не получает от него никаких важных сведений. Например, 4 октября Моле писал Талейрану: “Вы, конечно, понимаете, князь, что я прошу Вас о переписке совсем иного рода. Ваши письма оставляют меня в совершенном неведении относительно настроений лондонского кабинета и Ваших отношений с ним, что является пагубным для нашего с Вами общего дела”⁴¹. Дошло до того, что Моле пригрозил Талейрану отставкой, однако тому удалось разрядить обстановку письмом министру в самых дружественных тонах⁴². В определенной степени такое отношение к министру иностранных дел со стороны Талейрана объяснялось тем, что, когда решался вопрос о кандидатуре посла в Лондон, Моле высказался за назначение барона Проспера де Баранта⁴³. Как заметила мадам де Буань, “Талейран сделал вид, что обиделся, и воспользовался этим обстоятельством, чтобы установить непосредственные отношения с королем”⁴⁴.

Самым важным и трудным делом, в котором принимал участие Талейран на посту посла, было решение бельгийского вопроса. Бельгийская революция, вспыхнувшая сразу же после Июльской революции во Франции, приведшая к фактическому отпадению Бельгии от Голландии и провозглашению самостоятельного Бельгийского королевства, стала причиной серьезного беспокойства для Франции. Россия, Австрия и Пруссия выступали за организацию вооруженной интервенции с целью вернуть Бельгию под власть голландского короля. В самой Франции боролись два течения: одни желали присоединения Бельгии к Франции, другие – признания независимости Бельгийского королевства.

Польское восстание, вспыхнувшее в ноябре 1830 г., надолго лишило Николая I свободы рук в бельгийском вопросе, и Талейран очень искусно этим воспользовался. Присоединение Бельгии к Франции после некоторых колебаний он отверг, понимая, что этого никогда не позволит Великобритания, и стал отстаивать идею образования самостоятельного Бельгийского государства. После долгих и трудных усилий – на Лондонской конференции европейских держав – ему это удалось, хотя первоначально не предполагалось даже участие Франции в работе конференции, поскольку нидерландский король Вильгельм I обратился за помощью к четырем великим державам –

³⁸ За время пребывания князя Талейрана в Лондоне во Франции сменилось шесть кабинетов. Министерство иностранных дел последовательно возглавляли: граф Л.-М. Моле (11 августа – 2 ноября 1830 г.), маршал Н.-Ж. Мезон (2 ноября – 17 ноября 1830 г.), маршал О. Себастьяни (17 ноября 1830 г. – 16 мая 1832 г.), герцог В. де Бройль (11 октября 1832 г. – 4 апреля 1834 г.), граф А. де Риньи (4 апреля – 10 ноября 1834 г.).

³⁹ *Boigne É.-A.* Op. cit., t. 2, p. 514. Луиза Монморанси, княгиня де Водемон (1763–1833), являлась давней и преданной приятельницей Талейрана, с которой он вел регулярную переписку. Наиболее ценную информацию, содержащуюся в письмах Талейрана, княгиня передавала сестре короля.

⁴⁰ *Le Prince de Talleyrand et la maison d'Orléans.*, p. 97.

⁴¹ *Memoires et correspondences du prince de Talleyrand*, p. 1353.

⁴² *Борисов Ю. В.* Указ. соч., с. 428–429.

⁴³ Барант получил назначение на дипломатический пост в Турин, а в 1835 г. возглавил французское посольство в России.

⁴⁴ *Boigne É.-A.* Op. cit., t. 2, p. 514.

Великобритании, Австрии, Пруссии и России, которые на Венском конгрессе добились присоединения Бельгии к Голландии.

Несмотря на то, что французское правительство было вынуждено отказаться от идеи аннексии Бельгии, правительство Моле считало возможным добиться присоединения к Франции некоторых частей Бельгии и разделения ряда ее провинций между Францией, Австрией и Пруссией. От имени французского правительства Талейран потребовал на Лондонской конференции “исправления” французских границ, в результате чего герцогство Люксембургское и герцогство Бульонское с некоторыми бельгийскими крепостями отошли бы к Франции. Княгиня Ливен писала о действиях Талейрана и позиции французского правительства: “Франция не хочет, чтобы дела Бельгии уладились, она хочет лавировать, затягивать их до тех пор, пока она не станет ее добычей, и все добродушие Талейрана не имеет иной цели, как отдать Бельгию в руки Франции. Это будет его политическим завещанием; он возвратит ей то, что она потеряла по его вине”⁴⁵.

В ноябре 1830 г. в Лондон со специальной миссией был направлен представитель Франции граф де Флао, которого считали сыном Талейрана, для тайного обсуждения с британскими государственными деятелями плана решения бельгийского вопроса, одобренного тогдашним французским министром иностранных дел Франсуа Себастьяни. Французский министр предлагал оставить часть бельгийских земель Голландии, часть передать Пруссии и еще одну, самую значительную часть, вернуть Франции. Однако этот план встретил резкое противодействие со стороны других участников конференции, опасавшихся усиления Франции. Показательно, что против такого раздела был и сам Талейран, который не хотел усиления Англии на Европейском континенте и усиления Пруссии на северных границах Франции. В результате миссия Флао потеряла всякий смысл.

20 декабря 1830 г. Лондонская конференция признала независимость Бельгии от Голландии⁴⁶. “Это был огромный успех французской политики”, – заметил без ложной скромности князь⁴⁷. Ровно месяц спустя, 20 января 1831 г., Лондонская конференция приняла решение о вечном нейтралитете Бельгии, целостности и неприкосновенности ее территории, гарантируемых пятью державами – участниками переговоров.

26 июня страны – участницы Лондонской конференции разработали проект договора Бельгии с иностранными государствами, так называемый договор Восемнадцати статей. К Бельгии переходила валлонская часть Люксембурга и часть Лимбурга. В Маастрихте Бельгии предоставлялось то, что не принадлежало Голландии в 1790 г. В торговом отношении Бельгия получала все льготы, установленные Венским конгрессом относительно плавания по рекам.

Международное признание бельгийского нейтралитета стало успехом французской дипломатии и лично Талейрана. В Париже считали, что появился новый фактор безопасности Франции, хотя и имевший существенные изъяны: на севере французским границам угрожали 13 крепостей, построенных на территории Бельгии. Талейран по собственной инициативе поставил вопрос об их разрушении перед королем Леопольдом.

После долгих переговоров и совместной англо-французской вооруженной интервенции в Бельгию с целью гарантии ее нейтралитета 15 октября 1831 г. в Лондоне было подписано соглашение по урегулированию конфликта между Бельгией и Голландией, известное как договор Двадцати четырех статей⁴⁸. Территориальные

⁴⁵ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. – Русская старина, 1903, № 114–116, с. 691–692.

⁴⁶ Борисов Ю.В. Указ. соч., с. 430.

⁴⁷ Цит. по: там же.

⁴⁸ Это соглашение было гораздо менее выгодным для Бельгии, чем договор Восемнадцати статей. Новый проект предоставлял ей только часть Люксембурга и оставлял столицу этого государства в руках голландского короля. Король Голландии в качестве компенсации за отказ от части Люксембурга получал значительную часть Лимбурга; кроме того, он удерживал за собой Маастрихт, Венло и левый берег Шельды.

приращения, приобретенные Бельгией, во многом были получены именно благодаря действиям Франции.

Однако, несмотря на решения Лондонской конференции, голландцы защищали свои интересы с использованием силы, отказываясь эвакуировать войска из города Анжер. Тогда Талейран, прежде страстно отстаивавший идею невмешательства во внутренние дела иностранного государства, превратился в активного поборника применения силы. Он заключил с лордом Пальмерстоном особое соглашение, по которому французская армия, войдя в Бельгию, осадила Антверпен с суши, а английский флот блокировал его с моря. 23 декабря 1832 г. голландский король был вынужден передать город бельгийцам.

Действуя в интересах Франции, князь, как и прежде, не забывал о себе: за выгодное для Голландии определение границ Люксембурга он получил 15 тыс. фунтов; в такую же сумму обошлась голландской казне его позиция при распределении долговых обязательств между Бельгией и Голландией⁴⁹. Поговаривали, что он получил взятку и за включение Антверпена в состав Бельгии.

Итак, сложный и опасный для европейского мира голландско-бельгийский конфликт был урегулирован, причем главным образом дипломатическими средствами. Создание независимого Бельгийского государства было расценено Луи Филиппом как блистательный успех талейрановской дипломатии, даже несмотря на то, что требование о срытии крепостей в то время еще не было выполнено⁵⁰. Этот успех настолько возвысил Талейрана, что речь пошла о назначении его первым министром (после смерти от холеры Казимира Перье в мае 1832 г.), но старый князь решил, что в Лондоне ему спокойнее. Решение это было принято не без влияния Доротеи, категорически возражавшей против возвращения во Францию. Приехавшему из Парижа депутату парламента, впоследствии министру Шарлю Ремюза, который, прежде чем встретиться с Талейраном, более двух часов беседовал с Доротеей⁵¹, она заявила: “Вы хотите сделать Талейрана главой правительства? Не тратьте усилий на то, чтобы его убедить. Ему это не нужно, он абсолютно не желает этого, а если бы и пожелал, то я бы ему помешала”⁵². После беседы Ремюза заметил, что “приговор вынесен”, он ему подчиняется и проинформирует министра иностранных дел Себастьяни. Таким образом, Доротея выступила в роли судьи, чье решение является окончательным и обжалованию не подлежит. Сам же князь отнесся к предложению с юмором: “Они принимают меня за дурака, если думают, что я хочу стать премьером. У меня нет никакого желания тащить весь этот карнавал к себе домой”⁵³.

Впрочем, вполне возможно, предложение о премьерстве было просто жестом вежливости со стороны короля.

Завершив эпопею с Бельгией, Талейран почувствовал себя уставшим и больным. Он не привык к ежедневному рутинному труду, а тут пришлось проводить на одних только совещаниях по пять–шесть, а то и по восемь часов в день. Еще в самом начале работы конференции он писал герцогине де Бофремон: “Все дни провожу в трудах: я совсем потерял эту привычку”⁵⁴. О своей усталости он писал в Париж и после Лондонской конференции: “Я настолько пресытился Бельгией, что готов запретить трем поколениям Талейранов произносить это название”⁵⁵.

В феврале 1834 г. ему исполнилось 80 лет, и он уже в полной мере ощущал свой возраст. Его пошатывало, он боялся упасть, и иногда с ним такое случалось. Плохо

⁴⁹ Борисов Ю.В. Указ. соч., с. 433.

⁵⁰ К январю 1832 г. были разрушены крепости в Монсе, Шарлеруа, Мариенбурге и ряд других, построенных на границах прежнего Голландского королевства. Сохранились только старые крепости, например, Анжер.

⁵¹ Dino D. Op. cit., t. 1, p. 18.

⁵² Цит. по: Лодей Д. Указ. соч., с. 450.

⁵³ Там же, с. 477.

⁵⁴ Memoires et correspondences du prince de Talleyrand, p. 1433.

⁵⁵ Лодей Д. Указ. соч., с. 477.

князь переносил и сырую лондонскую погоду. “Из плохого здесь только климат”⁵⁶, – жаловался он герцогине де Бофремон.

Тем не менее он успел заключить еще одно очень важное для Франции соглашение, правда, не без помощи англичан. Лондон собирался подписать договор о дружбе с Испанией и Португалией, чтобы в события на Иберийском полуострове не вмешались другие европейские державы. Талейран решил вступить в альянс с Англией и тем самым усилить французские позиции в Испании, охваченной гражданской войной⁵⁷. Он добился расширения круга участников договора, и 22 апреля 1834 г. от имени Франции заключил четырехсторонний союзный договор с Англией, Испанией и Португалией, по которому английское и французское правительства обязались оказывать вооруженную помощь правительствам Испании и Португалии в борьбе против дона Карлоса и дона Мигеля.

Сообщая Талейрану о восторженной реакции Луи Филиппа и передавая от короля поздравления, мадам Аделаида писала 26 апреля: “Вы только что заключили очень важный для нас, да и, по правде говоря, для всей Европы, договор, я Вас поздравляю с этим от всего сердца”⁵⁸.

Это был последний дипломатический триумф Талейрана и последний дипломатический документ, под которым он поставил свою подпись. Даже дипломаты враждебных держав восторгались энергией 80-летнего хилого старика. Княгиня Ливен писала брату, шефу жандармов генералу Александру Бенкендорфу, о князе Талейране: “Вы не поверите, сколько добрых и здравых доктрин у этого последователя всех форм правления, у этого олицетворения всех пороков. Это любопытное создание; многому можно научиться у его опытности, многое получить от его ума; в восемьдесят лет этот ум совсем свеж... Но это – большой мошенник – *c’est un grand coquin*”⁵⁹.

Так случилось, что Ливен и Талейран покинули Лондон почти одновременно. Сначала в долгий путь до российской столицы после 22-летнего пребывания в Англии отправилась чета Ливенов, а вслед за ними отбыли в Париж князь Талейран с герцогиней Дино. В последние дни пребывания Дарьи Христофоровны в Лондоне герцогиня Дино говорила ей: “В вашем отъезде я оплакиваю свой отъезд”⁶⁰.

Чем был вызван отъезд французского посла? К тому времени в его положении в Лондоне произошли большие перемены. Руководитель Форин оффис лорд Пальмерстон, испытывавший неприязнь к престарелому дипломату, был с ним высокомерен и неучтив. Талейрану приходилось часами сидеть в приемной министра. Пальмерстон позволял себе оскорбительные выходки в его адрес и упорно отказывался от посещений французского посольства. Как отметила Доротея Дино, после возвращения князя из Франции, где он провел лето и осень 1833 г., Пальмерстон лишь однажды соизволил принять приглашение на ужин в посольстве Франции⁶¹. 31 июля 1834 г. Доротея занесла в свой дневник весьма любопытное наблюдение, свидетельствовавшее о переменах в положении князя в Лондоне: «В прошлом году английский король говорил об отъезде Талейрана на континент: “Когда вы возвращаетесь?”». За год до этого он ему сказал: “Я поручил своему послу в Париже заявить вашему правительству, что я хотел бы видеть вас здесь”. В этом году он спросил: “Когда вы уезжаете?”». По словам Дино, здесь “не обошлось без Пальмерстона”⁶². Уже после отъезда из Лондона Талейран писал Аделаиде: “Мы с лордом Пальмерстоном больше не понимаем друг

⁵⁶ *Memoires et correspondences du prince de Talleyrand*, p. 1432.

⁵⁷ После смерти в 1833 г. короля Фердинанда VII в Испании начинаются гражданские, или карлистские, войны, в которых Франция выступила на стороне регентши Марии-Кристины, борющейся против притязаний на власть со стороны брата Фердинанда VII, дона Карлоса.

⁵⁸ *Le Prince de Talleyrand et la maison d’Orléans...*, p. 86.

⁵⁹ Цит. по: *Talley E.B.* Указ. соч., с. 69.

⁶⁰ *Dino D.* *Op. cit.*, t. 1, p. 214.

⁶¹ *Ibid.*, p. 50.

⁶² *Ibid.*, p. 198.

друга и отнюдь друг другу не нравимся. Нельзя, чтобы служение королю страдало от нашего разлада”⁶³.

Изменилась ситуация и во Франции. Если прежде Талейран общался с королем напрямую или же через Аделаиду, игнорируя свое непосредственное начальство, то теперь министр иностранных дел маршал Себастьяни сам фактически перестал переписываться с послом в Лондоне. Себастьяни желал быть реальным главой французской дипломатии и предпочитал вести переговоры с англичанами в Париже. Это, однако, не мешало Талейрану действовать в своей всегдашней манере: о заключении договора о Четверном союзе Себастьяни узнал только после его подписания⁶⁴.

Перед расставанием с французским послом лорд Пальмерстон устроил прощальный ужин. Как иронично заметила герцогиня Дино, “это в его вкусе; ему доставляет удовольствие чествовать отъезжающих”⁶⁵.

В августе 1834 г. Талейран наконец покинул Лондон, формально отправляясь в отпуск. Это была обычная практика, поскольку каждый год лето и осень он проводил во Франции, и всякий раз перед ним вставал вопрос о возвращении в Лондон. За день до отъезда Дино вручила ему письмо, где были такие слова: “Не торгуйтесь с публикой. Навяжите ей свое решение... заявите сами, что Вы стары, чтобы Вас не находили постаревшим; скажите с достоинством, просто: час пробил!” Доротея приняла мудрое решение: следует покидать “политическую сцену добровольно и охотно, чтобы снискать аплодисменты зрителей и избежать их свиста”⁶⁶. Кто знает, сыграли ли эти преисполненные внутренней силы наставления любимой женщины решающую роль, но в ноябре 1834 г. Талейран ушел в отставку⁶⁷.

13 ноября он отправил письмо с просьбой об отставке в министерство иностранных дел⁶⁸, а 23 ноября – письмо Луи Филиппу, в котором добродушно отчитывал короля: “Потакая мне, король слишком часто забывает о моем почтенном возрасте. Он забывает, что 80-летний старик не имеет права на ошибки. Ошибки старости особенно грустны, потому что уже нет возможности их исправить”⁶⁹.

Отставка была принята. В послании Талейрану Луи Филипп отвечал, что глубоко тронут “такими совершенными, благородными и достойными” словами князя, что он и теперь нуждается в его услугах, и призывал Талейрана как можно скорее вернуться в Париж⁷⁰.

Однако князя гораздо больше, чем Париж, привлекала Вена. Несмотря на все заявления о немощи и усталости, он был совсем не прочь еще немного послужить Франции на посту посла в Вене, чего желал и в 1830 г. Мадам де Буань приводит на страницах своих воспоминаний фразу, написанную, по ее словам, рукой Талейрана: “Я завоевал для Июльской монархии Лондон; я хочу преподнести ей Вену, и у меня это получится, если мне это позволят сделать”⁷¹. Но, как справедливо отмечала де Буань, “господин Талейран был послом слишком неудобным, чтобы кто-либо из министров хотел его назначения”⁷². В результате на этот пост был назначен герцог де Бройль, а 7 января 1835 г. послом Франции в Великобритании стал маршал Себастьяни.

“Я ни счастлив, ни несчастлив, – писал Талейран в последние годы жизни... – Я помню слабою и... хорошо знаю, как все это может кончиться. Я этим не огорчаюсь и

⁶³ *Memoires et correspondences du prince de Talleyrand.*, p. 1308.

⁶⁴ *Boigne É.-A.* Op. cit., t. 2, p. 514.

⁶⁵ *Dino D.* Op. cit., t. 1, p. 214.

⁶⁶ Цит. по: *Борисов Ю. В.* Указ. соч., с. 451.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Поскольку после министерского кризиса ноября 1834 г. новый кабинет еще не был сформирован, Талейран адресовал свое письмо не конкретному, а потенциальному министру иностранных дел.

⁶⁹ *Memoires et correspondences du prince de Talleyrand.*, p. 1310.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 1311.

⁷¹ *Boigne É.-A.* Op. cit., t. 2, p. 518.

⁷² *Ibidem.*

не боюсь этого. Мое дело кончено. Я насадил деревья, я выстроил дом, я наделал много и других еще глупостей. Не время ли кончить?”⁷³. К тому времени его жена, мадам Гран⁷⁴, с которой они давно не жили вместе, умерла – в возрасте 73 лет, после тяжелой болезни. У князя была возможность проситься с ней, но он не сделал этого, когда 10 декабря 1835 г. узнал о ее смерти. С ним постоянно находилась герцогиня Дино, самый близкий для него человек. Правда, злые языки поговаривали, что совместное проживание не мешало ей и в эти годы иметь многочисленных любовников. Как бы то ни было, трое незаконнорожденных детей у Доротеи появились. За князем законных детей не числилось. Его сын от госпожи Делакура, знаменитый уже с 1820-х годов художник Эжен Делакура, мало общался с отцом. Да и Талейран не искал с ним встреч, предпочитая полное уединение и покой. Как отмечал Е.В. Тарле, его корыстолюбие уже давным-давно было удовлетворено, честолюбие его не мучило. Во время службы в Лондоне он вроде бы даже перестал брать взятки, а после окончательного ухода от дел прекратил и игру на бирже⁷⁵.

Получив отставку, князь уединился в Валансе, одном из самых красивых и тихих уголков Франции. Здесь он чувствовал себя значительно лучше, чем в Париже. Но не только благодаря тишине и чистому воздуху. Надо сказать, что если за рубежом ростили похвалы Талейрану – например, Веллингтон, Меттерних и даже вспыльчивый царь Николай, – то во Франции его с не меньшим единодушием поносили.

Свой досуг князь занимал писанием мемуаров, демонстрируя изящный слог и ироничный взгляд на вещи. В физическом отношении он чувствовал себя неплохо⁷⁶. Помогали ли ему в этом утренние процедуры промывания носа? Манера никуда не спешить? Или появившаяся привычка ограничивать себя в еде? В последнее время он никогда не снимал пробу с обильных яств, которые готовились на кухнях для гостей, а терпеливо дожидался ужина.

Весною 1838 г. состояние здоровья Талейрана резко ухудшилось. Примирившись по настоянию Доротеи с католической церковью, он получил отпущение грехов. “Талейран всю свою жизнь обманывал Бога, а перед самой смертью вдруг обманул сатану”, – эта чья-то шутка о неожиданном “примирении” с римским папой и католической религией абсолютно ни во что не веровавшего старого вольтерьянца, отлученного некогда от церкви бывшего епископа Отёнского, получила в те дни широкое распространение⁷⁷.

17 мая в парижский особняк князя, нарушив протокол, приехали проститься с ним король Луи Филипп и Аделаида. Талейран был настолько слаб, что в ответ на слова короля смог произнести всего лишь одну фразу: “Это большая честь для меня”⁷⁸. Как отмечала в своих воспоминаниях хроникер событий графиня де Буань, задержавшейся у постели умирающего Аделаиде князь пожал руку и тихим голосом сказал: “Я вас очень люблю”⁷⁹. Спустя несколько часов после их визита он скончался.

Герцогиня Дино оставалась с Талейраном до последнего вздоха. Его признательность этой женщине была безграничной. “Я прошу мадам Дино принять мою самую нежную благодарность за то счастье, которым я ей обязан и которым она дала возможность мне наслаждаться в течение двадцати пяти лет; я обращаю к ней мои слова самого

⁷³ Цит. по: Тарле Е.В. Указ соч., с. 73.

⁷⁴ Брак с Катрин Гран, дочерью капитана торгового порта, родившейся в Индии, необычайно красивой женщиной, был заключен в 1802 г. Однако Катрин так и не смогла стать “своей” в изысканном аристократическом обществе. Супруги окончательно расстались после Венского конгресса.

⁷⁵ Тарле Е.В. Указ соч., с. 73.

⁷⁶ После смерти князя выяснилось, что состояние его мозга соответствует мозгу 40-летнего человека.

⁷⁷ Цит. по.: Тарле Е.В. Указ соч., с. 75–76.

⁷⁸ Apponyi R. “Les Français envient notre bonheur”. Journal du compte Rodolphe Apponyi, 1826–1848. Paris, 2008, p. 434.

⁷⁹ Boigne É.-A. Op. cit., t. 2, p. 529.

нежного прощания”⁸⁰, – таковы строки из завещания Талейрана. Доротея, получившая после смерти князя титул герцогини де Талейран, продала особняк на улице Сен-Флорантен Джеймсу Ротшильду, а сама обосновалась в Силезии, в замке Саган. В 1845 г. к ее многочисленным титулам прибавился очередной – герцогини Саган. В этом замке она и ушла из жизни 19 сентября 1862 г.

* * *

Каковы же были результаты дипломатической миссии князя Талейрана в Великобританию? Прежде всего, назначение Талейрана послом Франции в Лондон непосредственно после Июльской революции 1830 г. содействовало скорейшему признанию королю Луи Филиппа европейскими монархами. Все прекрасно знали, скольким режимам служил князь, но не менее хорошо в Европе было известно о необыкновенном политическом чутье “хитрого лиса”, поэтому согласие 76-летнего Талейрана занять важнейший дипломатический пост являлось своеобразной гарантией стабильности и прочности нового режима, пусть и рожденного революцией. Сам Талейран в письме Луи Филиппу так сформулировал главный результат своей миссии: “Я добился для Июльской революции права на гражданство в Европе”⁸¹.

В свое время убежденный “австриец”, сторонник франко-австрийского сближения, теперь Талейран четко осознавал, что в изменившихся условиях Франция может восстановить свои позиции на международной арене только в партнерстве с Великобританией. Линия на установление “сердечного согласия” между двумя странами, являвшаяся одним из важнейших направлений внешней политики Луи Филиппа, полностью соответствовала представлениям Талейрана, еще во времена своей первой миссии в Англию в 1792 г. высказывавшегося за англо-французское сближение. Причем курс на “сердечное согласие” позиционировался и Талейраном, и Луи Филиппом, и либералами-орлеанистами не как самоцель, а как средство решения Францией своих национальных задач. “За четыре года мы извлекли из Англии все, что она могла нам дать полезного”⁸², – так, может быть, цинично охарактеризовал князь результаты своей миссии в Лондоне в письме мадам Аделаиде. Несмотря на то, что англо-французская Антанта в годы Июльской монархии во многом была таковой только на бумаге в силу противоречий между двумя странами по экономическим и внешнеполитическим вопросам, курс Талейрана на установление “сердечного согласия” с Англией наметил дальнейшую внешнеполитическую линию Франции. За два столетия, минувшие со времени его дипломатии, Великобритания и Франция, прежде прирожденные, заклятые враги, никогда больше не воевали друг с другом. И, наверное, это не просто историческая случайность.

Лондонская конференция пяти держав по урегулированию бельгийского вопроса наряду с Венским конгрессом стала вершиной в биографии Талейрана-дипломата. В обоих случаях он действовал фактически без систематического верховного надзора, на собственный страх и риск, самостоятельно принимая решения и претворяя их в жизнь.

Важнейшим результатом дипломатической миссии Талейрана явились недопущение европейской войны и разрешение вопроса о судьбе Бельгии за столом переговоров. Еще в ходе обсуждения бельгийской проблемы на Лондонской конференции в октябре 1831 г. князь писал княгине Водемон: “Я хочу сделать все для сохранения мира: в этом заключается моя миссия; я сделаю для этого все, что нужно будет сделать, невзирая на то, заденет это чьи-либо интересы или нет”⁸³. Ликвидация голландско-бельгийского конфликта стала главным результатом деятельности князя Талейрана в Лондоне. Он писал в Париж: “Это первый международный договор короля, нужный Франции, поскольку он обеспечивает безопасность ее границ, и Бельгии, так как предоставляет ей неза-

⁸⁰ Цит. по: *Борисов Ю. В.* Указ. соч., с. 451.

⁸¹ *Memoires et correspondences du prince de Talleyrand*, p. 1309–1310.

⁸² *Ibid.*, p. 1308.

⁸³ *Ibid.*, p. 862.

висимость”⁸⁴. А в письме своей давней приятельнице герцогине Марии-Антуанетте де Бофремон он отмечал: “Теперь я могу спокойно завершить свою политическую карьеру, поскольку выполнил самое трудное дело, когда-либо выпадавшее на долю человека”⁸⁵.

Епископ Отёнский, депутат Учредительного собрания, министр внешних сношений Директории и Первой империи, великий камергер и великий вице-электор императора французов Наполеона I, обладатель высших степеней ордена Почетного легиона, член Французской академии наук, председатель Временного правительства и первого правительства Людовика XVIII, сенатор и пэр, посол Луи Филиппа в Лондоне, – такова удивительная политическая карьера великого честолюбца, мечтавшего о бессмертии, но никогда не претендовавшего на то, чтобы его любили. Его могилу в Валансе украшает лишь скромная надпись: “Здесь покоится тело Шарля-Мориса де Талейран-Перигора, принца Талейрана, герцога Дино, родившегося в Париже 2 февраля 1754 г. и умершего там же 17 мая 1838 г.”

⁸⁴ Лодей Д. Указ. соч., с. 476.

⁸⁵ *Memoires et correspondences du prince de Talleyrand*, p. 1433.